

Валерий ШАРАПОВ

Месть старого особняка

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Месть старого особняка / Валерий Шарапов. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с. — (Советская милиция. Эпоха порядка).

ISBN 978-5-04-248384-4

1975 год. На Арбате во время сноса старого дома обнаружен сейф с драгоценностями. Вечером того же дня в строительном вагончике находят тело молодого рабочего с проломленной головой. Что это — результат дележа добычи? Майор юстиции Владимир Родин выходит на подозреваемого, которого видели вместе с убитым. Тот, ранее судимый, признается в совершенном преступлении. Но Родин ему не верит. В сейфе находился футляр с клеймом императорского ювелира, но самого изделия в нем обнаружено не было. Не нашли его и при обыске у подозреваемого. Уникальная вещь бесследно исчезла. Окончательно запутывает следствие убийство пожилой свидетельницы, к которой незадолго до этого приходил неизвестный, интересовавшийся планом старого дома...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248384-4

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Надсадный рев дизеля ЯАЗа рвал тишину арбатских переулков. Экскаватор Э-153, лязгнув гусеницами по битому кирпичу, вгрызся в остатки стены особняка. Ковш, кляцнув, выдрал кусок штукатурки, обнажив старую почерневшую кладку.

Сидорчук стоял в стороне и прикуривал «Беломор». Пахло известковой пылью, ржавчиной и поздней осенью — прелыми листьями, что кучами сгребали вдоль Смоленской набережной. Низкое октябрьское небо давило серостью. График сноса висел на волоске: к первому ноября площадка должна быть чиста.

— Николай Иваныч! — заорал экскаваторщик, высушившись из кабины. — Тут металл! Ковш не берет!

Сидорчук сплюнул окурок в пыль и махнул рукой: «Глуши». Дизель, всхлипнув, затих. В наступившей тишине отчетливо стал слышен лязг цепи — ветер гонял по пустырю обрывок арматуры.

— Что там? — Он подошел ближе, запрыгнул на груду обломков.

Экскаваторщик, пожилой мужчина в промасленной телогрейке, ткнул пальцем вниз. Из-под груды битого

кирпича и гнилых балок торчал край проржавевшего металла. Угол, обитый почерневшим железом, с выпуклостями клепки.

— Сейф, — сказал Сидорчук. Он спрыгнул вниз, обошел яму. Сейф лежал на боку, наполовину уйдя в подвальный грунт. Старый, еще дореволюционной работы, с затейливыми литыми ручками, давно съеденными коррозией. — Чей-то схрон. Давай его наверх, Семеныч. Только аккуратно.

Ковш экскаватора, лязгнув, поддел сейф. Металл противно закрипел, но выдержал. Сейф, покачиваясь, поплыл в воздухе, рассыпая ржавую труху. Его опустили на утрамбованную площадку, где обычно складировали арматуру.

К месту уже стягивались рабочие. Бригада была небольшая: Сазонов, Артем Басов да двое молодых подсобников. Сазонов, мужик лет сорока с нагловатым прищуром, подошел первым, пощупал замок.

— Ни хрена себе хозяйство! Тяжелый, зараза! Там червонцы, что ли?

— А ну отойди, — отодвинул его плечом Сидорчук и сам обошел находку. Сейф был вмазан в стену подвала, это ясно. Значит, дом ставили на сейф, а потом заложили кирпичом. Хозяева прятали добро основательно.

— Вскрывать будем? — подал голос Басов. Худой, небритый, с затравленным взглядом, он стоял чуть поодаль, пряча руки в карманы ватника.

Сидорчук посмотрел на него, потом на Сазонова и кивнул:

— Вскроем. В присутствии всей бригады, чтобы потом вопросов не было. Тащи кувалду, Басов.

Басов метнулся к вагончику. Вернулся с тяжелой кувалдой, на ходу перехватывая черенок.

— Бей по замку, — посоветовал Сидорчук и показал на проржавевшую личинку.

Басов со всей силы размахнулся. Удар пришелся вскользь — металл высек искру, но замок даже не дрогнул. Руки у Басова дрожали — то ли от холода, то ли от нервов.

— Дай сюда! — вырвал у него кувалду Сазонов. Сплюнул на ладони, поплевал, размахнулся шире, и тяжелый, сочный удар обрушился на замок. Лязг металла разнесся по пустырю. Сазонов бил еще и еще, уже с ожесточением. Пот градом катился по его лицу, прочерчивая светлые дорожки на серой от пыли коже. Искры летели во все стороны. Наконец замок, жалобно хрустнув, отвалился.

— Есть! — выдохнул кто-то из подсобников.

Сазонов отбросил кувалду, рванул дверцу. Та поддавалась не сразу, пришлось дергать с силой, обдирая пальцы о ржавчину. Наконец дверца, проскрипев, распахнулась, и в полумраке сейфа тускло блеснуло золото. Внутри, на дне, аккуратными стопками лежали монеты — царские червонцы. Поверх монет — несколько ювелирных украшений: брошь с камнями, серьги, пара колец. А в углу, на самом верху, лежал небольшой футляр из темно-синего бархата — потертый, но с четким золотым вензелем на крышке.

— Мать честная... — прошептал Сазонов, и рука его сама потянулась внутрь. Пальцы дрожали мелко, противно, он это чувствовал, но остановиться не мог.

— Стоять! — рявкнул Сидорчук.

Сазонов замер, но руку не убрал. Дыхание у него сбилось, стало частым, поверхностным.

— Всем отойти! — скомандовал Сидорчук и шагнул к сейфу. — Это государственное имущество. Надо составить акт, вызвать...

— Кого вызвать? — перебил его Сазонов. — Милицию, что ли? Ты чего, Николай? Это же клад, по закону — нам четвертая часть. Делить надо.

— Кто тебе сказал, что четвертая? — подал голос Басов. — Там за «рыжые» монет сорок дают.

— А ты уже сидел, тебе виднее, — огрызнулся Сазонов. — Молчи уж, фраер.

— Заткнулись оба! — повысил голос Сидорчук, но уверенности в нем поубавилось. Сазонов прав — часть причиталась. Но оформлять официально — это недели волокиты, опись, прокуратура, эксперты. График снова встанет, а сверху давят: к дате надо площадку сдать.

— Я предлагаю, — начал Сидорчук медленно, — по-рабочему. Составляем опись, сдаем начальству, а там пусть разбираются.

— Так и разберутся, — хмыкнул Сазонов, запустил руку в сейф, выгреб пригоршню монет. Затем ссыпал их в карман ватника и сгреб еще со словами: — Мне за вредность положено.

— А ну, положи! — рванулся к нему Басов. — Ты чего, паскуда? Всем поровну!

— Пошел ты! — Сазонов толкнул Басова в грудь. Тот отлетел к груде кирпича, поскользнулся и упал.

— Работает он тут... Руки короткие, — хмыкнул Сазонов.

Сидорчук видел, как Басов вскочил, побелев от злости, как сжал кулаки. Остальные рабочие замерли, не зная, что делать. Двое подсобников пятились к экскаватору.

— Хватит! — заорал он, выхватил из рук Сазонова монеты, которые тот еще держал в руках, и швырнул их обратно в сейф. Часть упала мимо, покатилась по пыльной земле. Рабочие бросились их подбирать.

Сазонов уже никого и ничего не слышал, он совал монеты во все карманы. Басов, поднявшись, тоже полез в сейф, торопливо хватая червонцы дрожащими пальцами.

— Все, хорош! — Сидорчук рявкнул так, что даже экскаваторщик вздрогнул. — Работу закончили! Завтра утром решим, что с этим делать. Сейф оттащите в вагончик. Все, разошлись!

Он шагнул к сейфу, оттесняя рабочих, взял в руки футляр и открыл.

Пусто. Внутри, на белом атласе, осталось только углубление — след от давно исчезнувшего украшения. Футляр был старый, но бархат еще хранил запах духов. Или показалось? Вензель — буквы, переплетенные в затейливую вязь. «А. Б.»? Дорогая работа, еще дореволюционная.

Где-то было само украшение. То, что ценнее всех этих монет.

Сидорчук незаметно сунул футляр за пазуху и обернулся на скрип.

В окне дома напротив, того, что еще не снесли, колыхнулась занавеска. Дом был старый, с облупившейся лепниной, с чугунным козырьком над подъездом — та-

кие еще держались в арбатских переулках. В окне третьего этажа стояла женщина. Невысокая, сухонькая, в темной кофте. Она не отрываясь смотрела на стройку, будто видела не экскаватор и груды кирпича, а что-то другое. Из открытой форточки доносился голос Левитана, который читал сводку.

Сазонов перехватил взгляд Сидорчука и хмыкнул:

— А, Ксения Львовна, учительница старая. Всю жизнь здесь прожила. Говорят, еще тех хозяев помнит. Я у нее позапрошлый год полы стелил — она мне сама рассказывала. Вот, все смотрит, как дом ломают. Скоро и ее выселят.

— Помолчи! — отвернулся от него Сидорчук.

Когда он поднял глаза снова, окно было пусто. Только занавеска еще колыхалась, словно кто-то только что отошел в темноту комнаты.

— Сазонов, — окликнул Сидорчук, — тащи сейф в вагончик. Остальные — по домам. Завтра в семь, как обычно. Опоздаете — вычту.

Довольно ухмыляясь, тот взвалил сейф на тачку и покати к бытовке. Басов пошел следом, злобно косясь на него. Остальные, переглядываясь, потянулись к выходу со стройплощадки.

Оставшись один, Сидорчук достал футляр, еще раз осмотрел. Про этот дом говорили разное: что владелец был ювелиром, что перед революцией спрятал ценности, да так и не вернулся. А неделю назад сотрудник архитектурного бюро Суханов сказал ему, когда он чертежи старой планировки смотрел: «Там, батенька, не один тайник был. При перестройке в двенадцатом году второй сделали, потайной. Хозяин хи-

трый был». Тогда Сидорчук не придавал словам Суханова значения. А теперь футляр лежал в кармане. Значит, где-то рядом и само кольцо, или брошь, или диадема.

Тем временем Басов шел через пустырь, сжимая в кармане монеты. Тяжелые, круглые, с двуглавым орлом. Он то и дело оглядывался — не смотрит ли кто? — и спотыкался о битый кирпич.

Стройка осталась позади. Впереди, за дощатым забором, начинались переулки — кривые, темные, с редкими фонарями. Там, в полуподвале, была его комната в общежитии. Сосед храпел, пахло щами и сыростью. Денег на метро не было — пришлось идти пешком через весь Арбат.

Он сунул руку в карман, нащупал монету, поднес к глазам. В свете дальнего фонаря блеснуло золото. Царский червонец. На одной стороне — профиль, на другой — двуглавый орел. Басов не разбирался, кто там нарисован, но монета была тяжелая, настоящая.

— Эй, гражданин! — вдруг окликнул его кто-то из темноты.

Басов вздрогнул, выронил монету. Она покатилась по асфальту, звякнула. Он бросился на колени, шарил руками в пыли, пока не нащупал. Сердце колотилось где-то в горле. А из темноты вышел мужчина с собакой. Пес фыркнул, клацнул зубами о намордник. Мужчина посмотрел на ползающего Басова, покачал головой, прошел мимо.

Басов поднялся, отряхнул колени. Дыхание не унималось. Он пошел быстрее, почти бегом, и то и дело хватался за карман: там ли монеты, целы ли?

В подворотне, перед входом в общежитие, он остановился. Прислонился спиной к холодной стене, закрыл глаза. В ушах все еще стоял лязг кувалды и голос Сазонова: «Мне за вредность положено».

— Чтоб ты подавился, — прошептал Басов.

Вечерело. Низкое небо темнело, фонари на набережной еще не зажглись. Со стороны стройки доносился лязг — Сазонов возился в вагончике. Сидорчук пошел на звук.

Вагончик стоял в углу площадки, рядом с грудой строительного мусора. Внутри горел свет — Сазонов включил голую лампочку под потолком. На столе, рядом с грязной кружкой и номером «Вечерней Москвы» за четырнадцатое октября, были разложены монеты, а сам он сидел на табурете, перебирал их, слюнявил пальцы, складывал столбиками. Глаза у него блестели, дыхание сбивалось — он то и дело облизывал губы.

Сидорчук приоткрыл дверь, шагнул внутрь.

— Николай, — Сазонов поднял голову. — Ты глянь, золото, царское. Червонцы. Тут на квартиру хватит, а то и на две. Заживем!

— Слушай, Сазонов, — Сидорчук закрыл за собой дверь. — Там был футляр. Что в нем было?

— А?

— В футляре, говорю, что было? Ты ж его первым взял. Украшение где?

Сазонов поморгал, потом ухмыльнулся:

— А, футляр. Пустой был, Николай, я ж глянул. А че?

— Куда дел?

— Да никуда. В сейфе оставил. А че? Ты за него переживаешь?

Сидорчук промолчал. Взгляд его скользнул по вагончику. На гвозде у двери висела монтировка.

— Ты не темни, Сазонов. Украшение где? Колье? Брошь?

— Да нет там ничего, говорю же! — Сазонов встал, лицо его стало злым. — Ты че, мент, что ли? Мне мое причитается, и баста. А футляр... может, Басов спер, пока мы тут? Он шустрый, хоть и трус.

— Басов не брал, — Сидорчук шагнул ближе. — Я видел, как ты футляр в карман сунул, когда сейф открыли.

Сазонов замер. Глаза его забегали.

— Ну, сунул. Пустой же. Выкинул где-то.

— Врешь!

Тишина в вагончике стала плотной, как известковая пыль, осевшая на губах. Слышно было, как за стеной ритмично стучит двигатель экскаватора — Семеныч прогревал машину перед ночной сменой. Стук был ровным, как метроном, только медленный.

Сазонов дернулся к столу, попытался сгрести монеты в карман, но Сидорчук перехватил его руку:

— Сядь!

— Пусти! — рванулся Сазонов, но Сидорчук держал его крепко. В глазах Сазонова плеснулся страх, сменившийся злобой. — Ты че, начальник? Решил все себе забрать? Думаешь, самый умный?

— Я сказал, сядь!

И тут неожиданно Сазонов его ударил. Кулаком, наотмашь, целя в лицо. Сидорчук увернулся, и удар при-

шелся в плечо. Тогда Сазонов с силой толкнул его, пытаясь вырваться, и рванул дверь вагончика. Но Сидорчук уже схватил монтировку с гвоздя.

Сазонов обернулся, увидел монтировку в руке Сидорчука, и зрачки его расширились, рот приоткрылся.

— Ты... ты че, Николай? Спятил? Из-за футляра? Да на, забери его! — он полез в карман, вытащил футляр, швырнул на пол. — Забери и убирайся! Монеты мои!

Сидорчук не смотрел на футляр. Он смотрел на Сазонова.

— Мне Суханов, архитектор, говорил, — тихо сказал он, — что тайники в старых домах могли быть двойными. А Ксения Львовна — ну, та училка — рассказывала, когда я у нее ремонт делал, что в том доме и впрямь двойной тайник сделали. При перестройке, в двенадцатом году. Вроде она сама там то ли жила, то ли служила. Может, и родственница хозяев. Ты знал?

— Ничего я не знал! — закричал Сазонов. — Отпусти, гад!

Он рванулся к двери, Сидорчук шагнул вперед, и монтировка, описав короткую дугу, встретилась с затылком Сазонова. Звук был глухим, влажным. Сазонов осел на пол, даже не вскрикнув, и уткнулся лицом в грязный линолеум.

Сидорчук стоял над ним, тяжело дыша. Монтировка выскользнула из пальцев, упала рядом с телом. На металле, в сгустках пыли, темнело что-то влажное. Кровь медленно растекалась по линолеуму темной лужей, подтекая под монтировку.

Стук экскаватора за окном не смолкал, работал ритмично, как часы, так что Семеныч ничего не слышал.

Сидорчук наклонился, поднял футляр с пола, обтер его рукавом. Потом разжал мертвые пальцы Сазонова, все еще сжимавшие горсть монет. Золото глухо звякнуло, падая обратно на стол.

Он вытер руки о ветошь, что висела на спинке стула. На пальцах осталась кровь, смешанная с пылью. Потом тщательно снова вытер их и спрятал футляр во внутренний карман спецовки.

Еще раз посмотрел на тело. Сазонов лежал лицом вниз, раскинув руки. В луже крови отражалась тусклая лампочка. Рядом, наполовину в крови, валялась монтёрка.

Сидорчук шагнул к двери, приоткрыл ее. Холодный воздух ударил в лицо. На стройплощадке было темно, только фары экскаватора светили вдаль, выхватывая из темноты груды кирпича и торчащую арматуру. Семеныч сидел в кабине и курил, глядя в ночь.

Сидорчук вышел из вагончика и закрыл за собой дверь.

Он шел через пустырь, и хруст остатков кирпича под ногами был единственным звуком, кроме ровного стука экскаватора. Пыль, поднятая за день, оседала на губы — горькая, известковая, скрипящая на зубах. В кармане, у самого сердца, лежал футляр. Тяжести в нем не было, но Сидорчук чувствовал его вес.

На середине пустыря он остановился. Обернулся.

Вагончик стоял в углу площадки. В его окне горел свет. Свет был желтым, тусклым, но в темноте горел ярко, как маяк.

Сидорчук смотрел на этот свет долго. Потом перевел взгляд на окна соседнего дома — того, где жила

Ксения Львовна. Там было темно. Только на третьем этаже мелькнул огонек и погас. Что это было: спичка? Свеча?

Он отвернулся и пошел дальше.

А экскаватор все стучал. Ритмично, ровно, как будто ничего не случилось...

ГЛАВА 1

Телефон зазвонил резко, с металлическим дребезжанием, от которого на стене зашевелилась пожелтевшая бумажка с графиком дежурств.

Владимир Игнатьевич Родин мельком глянул на часы — стрелки показывали без пяти восемь — и снял трубку на втором гудке:

— Родин слушает.

— Товарищ майор, дежурный по городу. Труп на стройке, в районе Арбата. Сносимый квартал между Смоленской набережной и улицей Воеводина.

Родин уже доставал блокнот, раскрывал на чистой странице. Шариковая ручка привычно легла в пальцы.

— Адрес точный?

— Улица Воеводина, дом семь. Но фактически — стройплощадка, снос. В бытовом вагончике обнаружен труп, предварительно — Сазонов Григорий Михайлович, рабочий. Сообщил прораб участка в семь двадцать.

— Кто на месте?

— Участковый лейтенант Ильин. Криминалиста вызвали, едет. Ваши уже в курсе.